

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

ЖЕНИХ- ПРИЗРАК

*Собрание
мистических
историй*

Москва

2015

УДК 82(1-87)-31
ББК 84(0)-44
Ж 54

Составление *С. Антонова*

Оформление серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Уильяма Гамильтона*

Жених-призрак. Собрание мистических историй : [рас-
Ж 54 сказы]: [пер. с англ.]. — Москва : Эксмо, 2015. — 512 с. —
(Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-80422-1

Мистические рассказы европейских и американских авторов XIX — начала XX в. в оригинальном сборнике «Жених-призрак» о представителях потустороннего мира — призраках: ужасающие призраки и их несчастные жертвы, любовь, продолжающаяся после смерти, благородные привидения-спасители и прочие таинственные истории. Среди авторов — знаменитые Ч. Диккенс, Г. Майринк, Б. Стокер, Р. Киплинг и другие, не столь известные писатели.

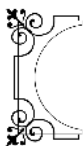
УДК 82(1-87)-31
ББК 84(0)-44

© Антонов С., составление, перевод
на русский язык, 2015
© Брилова Л., Сухарев С., Крюков В.,
Будагова Е., Роговская Н., Клепцына Г.,
Мотылев Л., Титова Е., Куренная М.,
перевод на русский язык, 2015
© Золотаревская Ф., Харитонов В., Бобович А.,
Гунст Е., Бернштейн И., Гурова И., перевод
на русский язык. Наследники, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

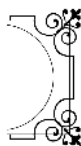
ISBN 978-5-699-80422-1

*Снацимеи
с того света*

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
(1812—1870)

СИГНАЛЬЩИК

— Эге-ге, там, внизу!
Когда я его окликнул, сигнальщик стоял у дверцы будки, держа в руке свернутый флажок. Учитывая характер местности, следовало ожидать, что он сразу догадается, откуда слышался голос, но, вместо того чтобы взглянуть вверх — на край крутого откоса, нависавшего чуть ли не у него над головой, он обернулся назад и впился взглядом в железнодорожное полотно. Прodelал он это на какой-то особый манер: впрочем, объяснить, в чем тут состояла странность, я бы затруднился. Но повел он себя действительно странно: ведь привлекло же что-то в нем мое внимание, хотя его укороченная расстоянием фигура терялась в тени на дне глубокой выемки, я же стоял высоко над ним, облитый лучами грозно пламеневшего заката, — мне даже пришлось заслонить глаза рукой, прежде чем я сумел его различить.

— Эге-ге, внизу!

Сигнальщик снова развернулся и посмотрел вперед и только потом, задрав голову, заметил меня высоко над собой.

— Есть тут тропинка, чтобы я спустился к вам — на два слова?

Сигнальщик, не отвечая, продолжал меня разглядывать, и я не спешил повторять свой досужий вопрос. Тем временем воздух слегка задрожал, земля под ногами еле заметно сотряслась и тут же мощно заколыхалась: стремительное приближение паровоза заставило меня отпрянуть, будто меня могло скинуть с верхотуры. Когда поезд пронесся мимо и заставившие обзор ключья пара понемногу рассеялись, я снова бросил взгляд вниз и увидел, как сигнальщик сворачивает флаг, который он держал на вытянутой руке, пока состав не прошел.

Я повторил свой вопрос. Выдержав паузу и не переставая пристально в меня всматриваться, сигнальщик ткнул свернутым флажком куда-то вверх и вбок — на две-три сотни ярдов в сторону от места, где я стоял. Я крикнул ему, что понял его знак, и пошел, куда он указывал. Внимательно огляделся и обнаружил извилистую неровную тропу, которая вела вниз.

Выемка была на редкость глубокой, с почти отвесными скатами; рыхлая поверхность камня под моими подошвами делалась все более влажной и вязкой. Поэтому спуск оказался достаточно долгим и мне хватило времени подивиться тому, с какой неохотой — чуть ли не против воли — сигнальщик показал мне дорогу.

Пропетляв по зигзагообразной тропе и очутившись невдалеке от сигнальщика, я увидел, что он стоит между рельсами, по которым только что промчался поезд, и в его напряженной позе угадывалось ожидание. Левой ладонью он подпирал подбородок, левый локоть опирался на ладонь правой руки, прижатой к груди. Вид его выражал столь острую настороженность, что я на секунду остановился в недоумении.

Ступив наконец на железнодорожный путь, я подошел к сигнальщику: это был темноволосый человек с нездоровым цветом лица, густобровый и чернобородый. Его пост находился в месте самом что ни на есть безотрадном и уединенном. По бокам выемку замыкали иззу-

бренные откосы из мокрого камня, оставляя над головой лишь неширокую полоску неба; с одной стороны это громадное узилище уходило, изгибаясь, вдаль; с другой, менее протяженной, горел угрюмым красным светом семафор и зияла еще более угрюмая горловина непроницаемого темного туннеля, массивная и грубая кладка которого наводила тоску. Так мало проникало сюда солнечного света, что тяжелый могильный запах не разгоняли даже порывы ледяного ветра, пронизавшего меня до мозга костей таким холодом, будто я покинул земные пределы.

Сигнальщик еще не успел пошевелиться, как я приблизился к нему вплотную. По-прежнему не сводя с меня глаз, он отступил на шаг и вскинул руку.

Место службы тут, видно, безлюдное (начал я), и оно меня заинтересовало, как только я увидел его сверху. Посетители, наверное, здесь большая редкость, но, можно надеяться, их визиты не всегда нежелательны? Перед ним человек, который всю жизнь провел взаперти, стиснутый тесными рамками, а теперь, оказавшись наконец на воле, желал бы утолить проснувшуюся тягу к таким вот грандиозным сооружениям. Речь моя сводилась примерно к этому, но я далек от уверенности, в точности ли так выразился; я и всегда-то не умел удачно завязать разговор, а сейчас в обличии собеседника что-то меня обескураживало.

Сигнальщик вперил взгляд в красный семафор возле горловины туннеля, изучил его самым внимательным образом, как если бы в нем чего-то недоставало, а потом снова повернулся ко мне.

— Надзор за семафором, кажется, входит в обязанности сигнальщика?

Сигнальщик негромко спросил:

— А разве вам об этом неизвестно?

Я пристальней взгляделся в тусклое лицо собеседника, в его недвижно застывший взор и вздрогнул от жуткой

мысли: что, если передо мной не простой смертный, а призрак? Нельзя было отделаться и от подозрения, что с рассудком у него не все ладно.

Теперь и я попятился, но при этом поймал мелькнувшую у него в глазах тревогу: он как будто втайне меня опасался. Мои нелепые страхи тут же рассеялись.

— Вы так на меня смотрите, — произнес я с натянутой улыбкой, — словно я внушаю вам ужас.

— Я засомневался, — пояснил сигнальщик, — не видел ли вас раньше.

— Где?

Сигнальщик указал на красный фонарь семафора.

— Там? — переспросил я.

Не спуская с меня глаз, он еле слышно обронил:

— Да.

— Дружище, да что мне там делать? Ладно, скажу вам как на духу: я никогда там не бывал, можете под присягой это подтвердить.

— Пожалуй, смогу, — согласился сигнальщик. — Да, наверняка смогу.

Скованность его отпустила, меня тоже. Он с готовностью отвечал на мои вопросы, подыскивая слова поточнее. Много ли у него хлопот? Да как сказать, ответственности хватает, но бдительность и аккуратность — главное, что здесь требуется, а работы как таковой — физического труда — не так уж много. Менять сигнал семафора, поддерживать его в порядке, время от времени поворачивать эту железную ручку — собственно, и все. Что до нескончаемо долгих одиноких часов, им тут проведенных (меня сильно это впечатлило), то сигнальщик просто сказал, что так уж сложилась его жизнь и он с этим свыкся. Он самостоятельно выучил здесь иностранный язык — если можно это так назвать, поскольку учил его только по книгам, а о произношении слов имеет лишь самое примитивное понятие. Решал задачи с дробями — простыми и десятичными, пробовал заняться и алгеброй, но с мате-

матикой он еще со школы не в ладах. Всегда ли по долгу службы ему необходимо оставаться в этом сыром ущелье и может ли он хоть изредка выбираться из этого каменного мешка на солнышко? Что ж, когда как. Зависит от обстоятельств: бывает, линия перегружена, бывает — нет; имеет значение и разное время суток. В ясную погоду он улучал часок-другой и поднимался в горку проветриться, но, поскольку его в любую минуту могли вызвать, с удвоенным беспокойством прислушивался тогда к электрическому звонку, так что даже короткая вылазка, сами понимаете, особого удовольствия ему не доставляла.

Сигнальщик повел меня к себе в будку: там горел очаг, на столе лежал служебный журнал, в котором ему полагалось делать записи; тут же находились телеграфный аппарат с диском, циферблатом и стрелками, а также электрический звонок, о котором он уже упоминал. Выразив надежду, что его не заденет мое предположение, я заметил, что он, по-видимому, получил неплохое образование и, вероятно (тут я снова повторил, что не имею ни малейшего намерения его обидеть), достаточно основательное для того, чтобы претендовать на лучшее место в жизни; сигнальщик согласился, что примеры названного несоответствия в изобилии отыщутся среди представителей самых разных слоев общества — обитателей рабочих домов, полицейских и даже тех, кто в порыве отчаяния не нашел ничего лучшего, как записаться в солдаты; насколько ему известно, примерно так же обстоит дело и с персоналом почти любой крупной железнодорожной компании. В молодости (мне, видя его в этой хибарке, трудно в такое поверить — ему самому верится с трудом) он изучал натурфилософию, посещал лекции, но сбился с пути, пренебрег возможностями, скатился на дно, откуда так и не сумел подняться. Но жаловаться на судьбу ему незачем. Что посеял, то и приходится пожинать. Жизнь заново не начнешь.

Все, что я тут сжато пересказал, сигнальщик поведал мне неторопливо и размеренно, сохраняя серьезный и сосредоточенный вид и отвлекаясь изредка на то, чтобы поворошить в очаге угли. Время от времени, обращаясь ко мне, он вставлял словечко «сэр», особенно когда вспоминал годы юности, словно желая дать мне понять, что не притязает ни на какой иной статус, кроме нынешнего. Раза два-три раздавался звонок: он прочитывал сообщения и передавал ответ. Однажды должен был выйти наружу: встретить проходивший поезд, выставить флажок и обменяться парой слов с машинистом. Обязанности свои он исполнял на редкость пунктуально, с превеликой старательностью, прерывая рассказ на полуслове и не возобновляя его до тех пор, пока все необходимые действия не будут выполнены.

Короче говоря, я считал бы сигнальщика надежнейшим исполнителем своего профессионального долга, если бы не одно обстоятельство: во время нашего разговора он дважды умолкал и с вытянутым лицом оборачивался к звонку, вовсе *не* звонившему, распахивал дверь будки (она была закрыта, чтобы не впускать внутрь нездоровой сырости) и, выглянув, всматривался в красный семафор у входа в туннель. Оба раза он возвращался к огню в непонятной оторопи, которую я заметил в нем (не в силах ее разгадать) еще раньше, издавелека.

Вставая с места, чтобы откланяться, я сказал:

— Вы почти уверили меня в том, что я свел знакомство с человеком, вполне довольным судьбой.

(Не скрою, что на самом деле этой фразой я рассчитывал вызвать его на откровенность.)

— Думаю, так оно когда-то и было, — отозвался он тем же приглушенным голосом, что и в самом начале, — но душа у меня, сэр, не на месте, совсем не на месте.

Он охотно вернул бы сказанное, если бы только мог. Но слова уже вырвались, и я не преминул за них ухватиться.

— Отчего же? Что вас тяготит?

— Это не просто передать, сэр. Очень, очень непросто. Если вы снова ко мне заглянете, я попробую.

— Но я и вправду намерен вас навестить еще раз. Скажите когда?

— Я ложусь спать рано утром, но заступлю на дежурство завтра в десять вечера, сэр.

— Я приду в одиннадцать.

Сигнальщик поблагодарил меня и вышел проводить за дверь.

— Я, сэр, выставлю белый свет, — произнес он негромко, — пока вы не найдете тропу наверх. А найдете — не окликайте меня! И когда взберетесь на вершину — тоже не окликайте!

Он так это сказал, что меня пробрало ознобом, но я только кивнул:

— Да-да, хорошо.

— И когда спуститесь завтра вечером вниз — не окликайте! Позвольте на прощание задать вам один вопрос: почему вы крикнули сегодня «Эге-ге, там, внизу!»?

— Да бог его знает. Крикнул что-то — сам точно не вспомню...

— Не что-то, сэр. Те самые слова. Мне они хорошо известны.

— Допустим, именно так я и крикнул. Почему? Конечно же потому, что увидел внизу вас.

— Только по этой причине?

— По какой же еще?

— У вас не было ощущения, что вам внушили их каким-то сверхъестественным способом?

— Нет.

Сигнальщик пожелал мне доброй ночи и занялся semaфором. Я двинулся вдоль железнодорожной линии в поисках тропы (испытывая весьма неприятное чувство, будто сзади меня нагоняет поезд). Вскрабкиваться в

гору легче, чем спускаться, и я добрался до гостиницы без каких бы то ни было осложнений.

Верный данному слову, следующим вечером я ступил на первый изгиб змеистой дорожки ровно в одиннадцать вечера, едва до меня донесся отдаленный бой часов. Сигнальщик ждал меня у подножия, в семафоре горел белый свет.

— Всю дорогу молчал, как велели, — начал я, как только мы сошлись, — теперь-то можно говорить?

— Разумеется, сэр.

— Тогда добрый вечер, вот вам моя рука.

— Добрый вечер, сэр, а вам — моя.

Обменявшись рукопожатием, мы направились бок о бок к будке, вошли в нее, прикрыли дверь и расположились у очага.

— Я принял решение, сэр, — подавшись вперед, заговорил сигнальщик почти что шепотом, — не заставлять вас дважды меня расспрашивать о моих тревогах. Вчера вечером я принял вас за кого-то другого. Потому и места себе не нахожу.

— Из-за своей ошибки?

— Нет. Из-за того — другого.

— Кто же он?

— Не знаю.

— Похож на меня?

— Не знаю. Лица его я не видел. Лицо заслоняла левая рука, а правой он размахивал — что есть мочи. Вот так.

Он показал мне, как именно, — в его жесте мне почудились крайнее возбуждение и исступленный призыв: «Ради бога, прочь с дороги!»

— Однажды лунной ночью, — начал свой рассказ сигнальщик, — сидел я вот здесь и вдруг услышал крик: «Эге-ге, там, внизу!» Вскочил с места, выглянул за дверь и вижу: тот самый «кто-то» стоит у красного семафора возле туннеля и машет рукой, как я вам только что по-

казал. Голос у него охрип от крика, но он не умолкал: «Берегись! Берегись!» И снова: «Эге-ге, там, внизу! Берегись!» Я схватил фонарь, включил в нем красный свет и кинулся навстречу с возгласами: «Что там такое? Что случилось? Где?» Человек почти сливался с чернотой туннеля. Вблизи было непонятно, почему глаза у него закрыты рукавом. Я подбежал вплотную и только протянул руку — отвести рукав, как он исчез.

— В туннеле? — спросил я.

— Нет! Я ринулся в туннель, промчался ярдов с полсотни. Остановился, поднял фонарь над головой: там были цифры разметки да потеки на стенах. Наружу я выскочил еще быстрее (там, в туннеле, мне стало невыносимо тошно), при свете красного фонаря осмотрел красный фонарь семафора, поднялся по железной лесенке на верхнюю площадку, спустился и бросился к себе в будку. Телеграфировал в оба конца: «Подан сигнал тревоги. Что произошло?» Мне с обеих сторон ответили: «Все спокойно».

Стараясь не замечать ледяной щеколки, медленно пробежавшей у меня по спине, я попытался убедить сигнальщика в том, что померещившаяся ему фигура — не что иное, как следствие оптического обмана; известно, что некоторые пациенты, страдающие подобными галлюцинациями (а возникают они в результате расстройства чувствительных нервов, которые обеспечивают зрительное восприятие), вполне отдают себе отчет в природе этого недуга и даже способны доказать его происхождение с помощью поставленных на себе экспериментов.

— Что касается воображаемого крика, — заключил я, — вслушайтесь только на минуту в завывания ветра внутри этой искусственной теснины — как он неистово гудит в телеграфных проводах.

Все это верно, согласился сигнальщик, после того как мы немного посидели молча; уж кому-кому, а ему ли